

Н.И. Васильева, И.А. Кашуро, Н.А. Бузанов

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО И СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ
И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ
И ВЗГЛЯД ИЗ КИТАЯ**

Аннотация. В статье анализируется преодоление социально-экономических последствий пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 в Российской Федерации и Китайской Народной Республике на фоне кризисных явлений мировой финансово-экономической системы. На базе анализа соответствующих макроэкономических показателей ведущих мировых держав дается оценка действиям России и Китая в генезисе развития и борьбы с эпидемией; подчеркивается очевидная возможность положительного экономического роста как для России, так и для Китая. В России ситуация осложняется не только пандемией, но и падением сырьевого экспорта, демографическим спадом и оттоком инвестиций по результатам 2020 г. Китай же сумел преодолеть рост числа заболеваний и вывести свою экономику на положительную траекторию роста уже во второй половине 2020 г. Актуальность исследования связана не только с усилением роли «китайского фактора» в мировой политике и экономике, но и с актуализацией российско-китайского стратегического партнерства на фоне дискуссий мирового экспертного сообщества относительно направления развития Китая, торговых войн и усиливающегося санкционного давления. Для России важно непредвзятое, глубокое и разностороннее понимание своего крупнейшего соседа, с которым имеются отношения конструктивного политического и экономического сотрудничества стратегического характера.

Основные стратегические интересы, которыми руководствуется Россия, проводя курс на тесное взаимодействие с Китаем, базируются на необходимости поддерживать добрососедские отношения с экономически и политически мощным соседним государством, а также необходимости видеть в Китае надежного партнера в условиях конфронтации с Западом.

Авторы статьи отметили сферы соперничества и неопределенности, которые появились в российско-китайских отношениях в последнее время. В условиях недостатка взаимного доверия эффективность экономического сотрудничества явно слабее политического взаимодействия двух стран, и хотя Россия и Китай продекларировали общие принципы стратегического партнерства, понимание сторонами этих принципов совпадает не всегда.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция COVID-19; вторая волна пандемии; «пакеты спасения»; «вертолетные деньги»; конкурентная модель экономического развития; всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие; соглашение ОПЕК+.

Васильева Нина Ивановна – кандидат экономических наук,
доцент факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

Кашуро Ирина Анатольевна – кандидат экономических наук,
старший преподаватель факультета глобальных процессов МГУ
им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru

Бузанов Никита Алексеевич – аспирант факультета глобальных
процессов МГУ им. М.В. Ломоносова. Россия, Москва.
E-mail: nickbuza@gmail.com

Vasilieva N.I., Kashuro I.A., Buzanov N.A. Russian – Chinese strategic partnership and cooperation amid COVID-19 pandemic: Russian and Chinese insights

Abstract. *The article is set to analyse the socio-economic challenges of the pandemic caused by a new COVID-19 coronavirus infection in the Russian Federation and the People's Republic of China amid the crisis in the global financial and economic system. The research is Abstract. The article is set to analyse the socio-economic challenges of the pandemic caused by a new coronavirus infection of COVID-19 in the Russian Federation and the People's Republic of China amid the crisis in the global financial and economic system. Based on the analysis of the relevant macroeconomic indicators of the leading world powers. The purpose is to assess the Russian actions and China in the genesis of development, the fight against the epidemic, and estimate the possibility of positive economic growth for both Russia and China.*

The research produced a number of key findings: the situation in Russia is complicated not only by the pandemic but also by the fall in commodity exports, demographic decline, and investments outflow, as the statistical data of 2020 shows; China, on the other hand, has managed to overcome the increase in the number of diseases and put its economy on a positive growth trajectory in the second half of 2020.

The topicality of the study is caused not only by the growing importance of the «Chinese factor» in world politics and economy but also by the demand for realising the potentials of the Russian-Chinese strategic partnership amid the discussions of the world expert community regarding the direction of China's development in the context of trade wars and increasing sanctions pressure. As for Russia, it needs to have an unbiased, profound and diversified understanding of its largest neighbour, with whom Russia has relations of constructive strategic political and economic cooperation.

The main strategic interests that guide Russia's actions in strengthening the relations with China are based on the need to maintain good neighbourly relations with an economically and politically powerful neighbouring state and the need to see China as a reliable partner in the face of confrontation with the West.

The article authors have defined the rivalry areas and uncertainty that have emerged in Russian-Chinese relations recently. Given the lack of mutual trust, the effectiveness of economic cooperation is clearly weaker than the political interaction of the two countries. While Russia and China have declared general principles of strategic partnership, the parties' understanding of these principles does not always coincide.

Keywords: *new coronavirus infection COVID-19; the second wave of the pandemic; «rescue packages» (bailouts – пакеты фин. помощи?); «helicopter money»; competitive model of economic development; comprehensive partnership and strategic interaction; ОПЕК +.*

**Vasilieva Nina Ivanovna – Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Faculty of Global Studies, Lomonosov
Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: vasilieva-msu@yandex.ru**

**Kashuro Irina Anatolyevna – Candidate of Economic Sciences,
Senior Lecturer, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow
State University. Russia, Moscow.
E-mail: kashuro@fgp.msu.ru**

**Buzanov Nikita Alekseevich – Postgraduate student of the Faculty
of Global Studies, Lomonosov Moscow State University. Russia, Moscow.
E-mail: nickbuza@gmail.com**

Введение

Во втором десятилетии XXI в. экономика всей планеты оказалась между молотом и наковальней: пандемия новой коронавирусной инфекции и резкое падение мировых цен на сырую нефть вследствие того, что в начале 2020 г. страны – экспортеры горючего топлива не пришли ко взаимному согласию о продлении соглашения ОПЕК+. По мнению ряда экспертов, последствия этих событий будут глубже и драматичнее, чем последствия глобального экономического кризиса 2008–2009 гг. Глобальная вирусная пандемия привела финансово-экономическую систему к глубокому спаду, вызванному просчетами государств во время борьбы с эпидемией и разным уровнем подготовки к прохождению периодов кризисных явлений. Исходя из этого, восстановление, видимо, будет постепенным и длительным.

По данным отчета Всемирного Банка за 2020 г., пандемия COVID-19 окунула глобальную экономику в глубочайшую рецессию со времени Второй мировой войны. Падение мирового ВВП за 2020 г. составило 5,2% с возможным последующим восстановлением в 2021 г. до уровня 4% [Россия: рецессия и рост 2020]. К концу 2020 г. в ряде стран ЕС произошел повторный рост

заболеваний коронавирусной инфекцией и это обстоятельство поставило под угрозу зарождающийся процесс восстановления экономики на фоне выявленных случаев мутирования штаммов COVID-19. Несмотря на проведение вакцинации и успешные клинические испытания вакцин от коронавируса, в ряде европейских стран наблюдается рост динамики заболеваний и смертности. Главы ряда международных организаций выражают глубокую обеспокоенность не только международным кризисом общественного здравоохранения, но и глубоким кризисом мирового рынка труда. На эти обстоятельства указывает генеральный директор Международной организации труда Гай Райдер. По его мнению, трудящиеся потеряют 3,4 трлн долл. США дохода и 25 млн человек станут безработными.

Влияние пандемии COVID-19 на современное состояние глобальной экономики

Торговые войны за последние годы несколько притормозили экономическую глобализацию. Однако экологическая глобализация, включая пандемии и изменение климата, не подчиняется политике. Тарифы и границы не могут справиться с патогенами, компьютерными вирусами, выбросами радиации, даже если что-то из этого выйдет из-под контроля только одной страны. Пандемия показала всему миру трансграничный характер угроз, без возможности для стран «отсидеться в стороне». Данное высказывание Сергея Лаврова в марте 2020 г. звучит не менее актуально и в марте 2021 г.

В Китае «нулевой пациент» был идентифицирован в провинции Ухань 1 декабря 2019 г., но только 31 декабря Китай проинформировал Всемирную организацию здравоохранения об угрозе пандемии, а с 23 января 2020 г. китайские власти принудительно изолировали в результате карантина 60 млн своих граждан. Эпидемия оказалась серьезным тестом для китайской экономической и политической системы, но Китаю удалось удержать контроль над ситуацией.

До 2003 г. считалось, что семейство коронавирусов не представляет большой опасности для людей, вызывая лишь легкие респираторные заболевания. Однако внезапное появление тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) дало толчок активизации научных исследований, в результате которых были открыты новые коронавирусы. Во время вспышек вирусов SARS-CoV и MERS-CoV применялась поддерживающая терапия и одним из действенных методов стала изоляция заразившихся. Участвовавшие вспышки коронавирусных заболеваний повышают риски возникновения новых эпидемий в будущем [Дынкин, Телегина 2020].

В процессе борьбы с пандемией все отрасли экономики существенно повысили уровень цифровизации. Популярность удаленной работы из-за COVID-19 резко возросла. Цифровой формат теперь также начал использо-

ваться и в привычных для «оффлайна» сферах – государственных услуг, здравоохранения, образования, науки.

Появилась необходимость поддержки новых международных научных коллабораций для борьбы с коронавирусной инфекцией. Усиливается кооперация науки и бизнеса в фармацевтической промышленности по вопросу создания вакцин и препаратов для тестирования заболевания, а также актуализируется вопрос поддержки фундаментальных исследований.

COVID-19 позволил соединить усилия ученых разных стран во имя устранения единой глобальной проблемы. И этот способ поиска решений объединенными усилиями, на фоне общей кооперации, на фоне движущейся вперед свободной науки, расширится и сохранится в будущем. Совершенно очевидно, что пандемия коронавируса окажет существенное влияние как на глобальную, так и на российскую экономику и экономику Китая.

Новый тренд 2021 г., по мнению авторов, – усиление роли государства, как основного игрока в борьбе с пандемией. Люди ожидают реальных мер защиты и поддержки экономики именно от государства. Ряд стран изменили свои бюджеты в пользу здравоохранения, а также оказали помощь малому и среднему бизнесу. Средства массовой информации такие меры назвали «пакетами спасения». «Пакет спасения» в Германии – 1,3 трлн евро, или 20% ВВП страны, в Италии и Испании они поскромнее – 455 и 200 млрд евро соответственно. Правительство Д. Трампа в США потратило на помощь гражданам 158 млрд из 2 трлн долл. США, а правительство Дж. Байдена продолжит эту практику. В России «пакет спасения» составляет 65 млрд евро. Накопленные резервы в фонде национального благосостояния правительство разбрасывать в виде «вертолетных денег» не готово, приберегая финансовые ресурсы на случай финансового кризиса [Костиков 2020].

Позиция технологического лидера в разработке вакцины от COVID-19, а также открытость и готовность поделиться данной вакциной с международными партнерами улучшают имидж России на мировой арене. В 2021–2022 гг. несомненно расширится география распространения российских вакцин. Уже более 50 стран заказали российскую вакцину Спутник V.

Преодоление социально-экономических последствий пандемии в России

Нынешний экономический кризис России усугубляется не только второй волной пандемии, но и уменьшением российского экспорта по итогам 2020 г., из-за сокращения международного уровня цен на «стандартные» энергоресурсы, в прежние годы приносившие России 70% выручки от экспорта и обеспечивавшие 45–50% всех доходов федерального бюджета. За прошедший год уменьшился экспорт нефти и нефтепродуктов на 40%, природного газа на

50 и угля на 30%. Только от этого сокращения потери России составили 7,5 трлн руб. Среднегодовой темп снижения ВВП составил в России 3,1% и это меньше, чем аналогичные показатели в странах большой семерки [Варнавский 2020].

Еще один серьезный вызов для экономики России – демографический. В 2021 г. ожидается сокращение потока мигрантов на более чем 600 тыс. человек, а численность населения впервые за 15 лет сократится на 500 тыс. человек.

По оценке Банка России, отток капитала из РФ, более чем вдвое больший по сравнению с 2019 г. – до 53 млрд долл. США – также усиливает экономический кризис. Оценка Банка России опирается только на зарегистрированные сделки 2020 г.

По мнению академика РАН А.Г. Аганбегяна, в России наблюдается снижение социальных показателей (реальные доходы населения, уровни потребления и безработицы, численность бедных, рост смертности), которое продолжится в 2021 г. [Аганбегян 2020].

Постепенному восстановлению экономики России должны помочь крупные золотовалютные резервы. По итогам 2020 г. они превышают золотовалютные резервы США, а также резервы Германии, Великобритании, Франции и Италии вместе взятых и составляют 585 млрд долл. США. По мнению ряда экспертов, 300 млрд долл. США надо оставить в неприкосновенности, а остальное потратить на восстановление уровня доходов населения, облегчение бремени задолженности и инвестиционное кредитование.

Другая возможность привлечения дополнительных средств для восстановления экономики – умеренное увеличение государственного долга. Сейчас внешний и внутренний долг России – самый низкий в мире – 15% ВВП, в то время как в странах ЕС он составляет около 80% ВВП, в США – 100% ВВП, в Японии – 250% ВВП, а в Китае – 260% ВВП. Безопасно постепенно довести долг в России к 2030 г. до 30–40% ВВП, используя эти средства для восстановления социально-экономического роста [Варнавский 2020].

На эти цели можно мобилизовать также крупные средства, которые находятся на счетах российских предприятий и организаций в зарубежных банках и офшорах, где по расследованию «Бостон Консалтинг Компани», скопилось 400 млрд долл. США. Также дополнительным источником средств может служить массовая приватизация, направленная на снижение доли предприятий, контролируемых государством с 71% ВВП до 45% [Аганбегян 2020; Варнавский 2020].

Поставки за рубеж российской сырой нефти за 2020 г. упали на 11% в натуральном выражении и на 41% в стоимостном (при увеличении международных цен на энергоресурсы во второй половине 2020 г.); поставки трубопроводного газа сократились на 10% в натуральном выражении и на 40% – в стоимостном.

Трехкратный рост экспорта золота за 2020 г., обусловленный отказом Центробанка от его закупок на внутреннем рынке в свои резервы и разрешением золотодобытчикам и банкам вывозить золото по генеральным лицензиям, некоторый рост экспорта продовольствия и сельскохозяйственного сырья, а также драгметаллов, увеличившийся в 1,5 раза, позволили компенсировать отсутствие привычных доходов от энергетического экспорта.

За последний год внешнеторговый оборот России упал практически со всеми торговыми партнерами, главными из которых по-прежнему остается Китай (товарооборот снизился до отметки 93,3% от предыдущего года, составив 104 млрд долл. США) и ФРГ (товарооборот снизился до отметки 79% от предыдущего года, составив 41 млрд долл. США).

Следует отметить, что доля американского доллара в российско-китайской торговле за последние три года сократилась до уровня 50%, а к концу 2019 г. Россия и Китай договорились вести все расчеты во взаимной торговле не в долларах США, а в национальных валютах [Михеев, Луконин 2020].

В краткосрочной и среднесрочной перспективе восстановление российской экономики тесно сопряжено с устранением последствий коронавируса, но в долгосрочной перспективе главную роль будет играть ускорение потенциального роста всей экономики. В ближайшей перспективе Россия сохранит ориентацию на экспорт сырьевых товаров при повышении удельного веса несырьевого экспорта. Следует отметить, что за последние три года наблюдалось повышение конкурентоспособности российского экспорта продуктов питания, некоторых видов машин и оборудования. Однако уровень сложности общей экспортной корзины России невысок. Россия продолжает специализироваться на базовых задачах внутри стоимостных цепочек, в производстве металлов и продукции химической промышленности, требующих меньшей степени передела и создающих меньшую добавочную стоимость, что оставляет возможности для продуктовой модернизации.

Эволюция современной модели социально-экономического развития Китая

Сейчас Китай оказался в ситуации, требующей параллельного решения трех задач: продолжение преобразования модели своего социально-экономического развития; перестройка внешнеэкономических отношений в связи с продолжающимся американо-китайским противостоянием: преодоление последствий пандемии новой коронавирусной инфекции.

Очевидно, что Китай – лидер на мировой арене. Около 30% роста мирового ВВП приходится на Китай, который является поставщиком как трудоемких, так и наукоемких товаров, от чего даже незначительные колебания в экономическом развитии Китая сразу отзываются усилением

волатильности на различных секторах глобального рынка, привлекая внимание экспертного сообщества.

Необходимо вспомнить, что еще в начале 1980 г. Китай имел крайне низкий уровень экономического развития, с показателем на душу населения ВВП 195 долл. США. По данным Всемирного банка, к 2018–2019 гг. произошел 50-кратный рост этого показателя. Сейчас он составляет около 10 тыс. долл. США на человека. Главными драйверами столь стремительного развития были открытие рынка для иностранных инвестиций, низкий уровень оплаты труда, а также рыночные реформы [Борох, Ломанов 2020]. В рекордные сроки Китай стал ведущим поставщиком продукции обрабатывающей промышленности, включившись во все значимые цепочки производства и проникнув практически во все потребительские рынки. В 2000 г. Китай, в соответствии с отчетами ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию), от общего объема мировой перерабатывающей промышленности выпускал около 6,5%, а в 2020 г. данный показатель составил уже около 30% [Технологичный дракон 2021].

Если сравнить современные экономические позиции США и Китая, то ВВП обеих стран можно воспринимать как соразмерные: по паритету покупательной способности доминирует Китай, а США занимает лидирующие позиции по валютному курсу. Но следует учесть и более чем двукратное преимущество Китая по темпам прироста ВВП в последние годы по сравнению с США (6,5% – Китай, 2,5% – США), а вклад Китая в рост мирового ВВП превышает вклад США почти в 3 раза [Михеев, Луконин 2019].

За прошедшие 30 лет, в течение которых произошел выдающийся технологический рывок Китая в разных отраслях, китайские руководители предприятий использовали разную стратегию. В производстве программного обеспечения они зачастую нарушали патентные права, копируя чужие технологии, а потом зарабатывали на продаже недорогих качественных копий. Но в 2000-х годах ситуация стала меняться, сегодня китайские предприятия сами создают интеллектуальную собственность, а китайские власти постепенно отказываются от принуждения иностранных инвесторов к передаче технологий. Всемирная организация интеллектуальной собственности заявляет, уже «получивший мировую бронзу» по количеству регистрации патентов, современный Китай уступает только США и Японии.

По мнению российских экспертов, если китайская экономика продолжит показывать позитивный прирост ВВП около 5%, то ее показатели превзойдут показатели США уже к 2028 г. Однако столь стремительный темп роста китайского ВВП может замедлить фактор пандемии [Новоселова 2020].

Для современного Китая важно продолжить поиск собственной модели экономического развития, которая должна заключаться в росте внутринационального

нового спроса при одновременной экспортоориентированности, в том числе на рынки западных стран [Воскресенский 2019].

Серьезное внимание Китай уделяет своим позициям в объеме международных инвестиций в его экономику. Приток в 138 млрд долл. США, которые являлись прямыми иностранными инвестициями США в Китай, позволил последнему удерживать «серебро» по данному показателю на мировой арене. Треть этой суммы зарубежные инвесторы вложили в высокие технологии Китая. Основными инвесторами выступали такие страны, как Корея, Нидерланды и Сингапур, в то время как инвестиции из США значительно сократились [Лексютина 2020].

Одним из возможных последствий современного мирового кризиса может стать усиление позиций Китая на мировой арене в условиях преодоления социально-экономических последствий коронавируса [Чумаков 2020]. Введение ограничительных мер в развитых странах привело к сокращению ВВП по итогам 2020 г., а третья волна пандемии, которая уже сейчас охватила некоторые страны Западной Европы, может создать и новый вызов экономической стагнации. Как следствие, позиции Китая, как движущей силы восстановления глобальной экономики, вновь могут укрепиться, так как пережив кратковременный спад, ВВП Китая уже сейчас показывает положительную динамику, демонстрируя темпы роста около 3%. Похожий ход событий можно было наблюдать после глобального экономического кризиса 2008–2010 гг., когда на фоне торможения развитых стран, Китай продолжал демонстрировать быстрый рост своей экономики. Однако сейчас Китаю приходится бороться с дополнительными вызовами, так как ныне развитые страны Запада и, прежде всего, США видят в КНР соперника [Алешковский, Кузовлев, Слука 2019].

Российско-китайское стратегическое партнерство: позиции России и Китая

Исследователи в различных областях выделяют три периода в истории развития партнерских отношений России и Китая [Грачиков 2019].

Первый период (1993–2002) китайские исследователи называют периодом стратегического поиска. Именно в эти годы председатель Госсовета Дэн Сяопин заявил об обязанности Китая проявлять скромность и сдержанность в своем поведении, заниматься развитием своей экономики и не претендовать на лидерские позиции. В эти годы Китай установил партнерские отношения с 11 странами, в том числе в 1994 г. с Россией, а торгово-экономические связи в это время становятся приоритетным направлением.

Второй период (2003–2012) – период стратегического развития. В данный период Китай заручился поддержкой 67 стран и показал стремительный рост экономики.

Третий период (с 2013 г.) – период стратегического совершенствования. В это время Китай строит партнерскую сеть со 100 странами мира и стремительно занимает лидирующие позиции на мировой арене [Юй Хунцзюнь 2019].

5 июня 2019 г. лидеры РФ и КНР провозгласили новую эпоху партнерства и стратегического взаимодействия. В самом документе, впрочем, мы не найдем ответа на вопрос, в чем эта новая эпоха заключается. Следует однако иметь в виду, что с 2014 г. когда Россия пошла на конфронтацию со странами Запада из-за присоединения Крыма, вступили в действие новые факторы. Аналогичная ситуация сложилась с 2016 г. с Китаем, когда правительство Д. Трампа начало против Китая торговую войну.

Свои перспективы стратегического партнерства Россия и Китай видят в углублении взаимного сотрудничества. И у нового этапа всеобъемлющего партнерства России и Китая есть конкретные проявления, а именно:

- с 2015 г. Россия разрешила допуск инвестиций китайских государственных компаний в энергетическую отрасль и сферу высоких технологий. В этой сфере подписаны и уже реализуется несколько крупных инвестиционных контрактов;

- развивается процесс сопряжения реализации китайского проекта «Экономический пояс Шёлкового пути» и Евразийского экономического союза. До 2015 г. Китай предпочитал иметь дело со странами СНГ только на двусторонней основе. Новое решение – это поддержка российских планов развития евразийской интеграции со стороны Китая;

- активизация сотрудничества России и Китая в военно-технической и космической сферах, что подтверждается фактом приобретения Китаем у РФ современных видов российских вооружений, таких как истребители СУ-35 и система ПВО С-400, а также проведением совместных военно-морских учений в районе Южно-Китайского и Балтийского морей и в Ормузском проливе. Также имеет место практика совместного патрулирования ВВС;

- Благодаря содействию РФ КНР смогла создать систему предупреждения о ракетном нападении [Лукин 2020].

В официальных китайских документах подчеркивается стремление Китая к «взаимному выигрышу», к соблюдению пяти принципов мирного существования, уважению положений и норм международного права, а также отличию внешней политики КНР от гегемонистского курса США. При этом многие страны обвиняют Китай в том, что он чрезмерно кредитует своих международных партнеров, а китайские предприятия не уделяют должного внимания трудовому законодательству других стран, загрязняют окружающую среду и подкупают местных чиновников. Также Китай обвиняют во вмешательстве во внутренние дела других стран через своих граждан [Михеев, Луконин 2020].

В рамках сотрудничества РФ и КНР также можно выделить ряд рисков и вызовов, которые в среднесрочном периоде заключаются в следующем:

– по мнению российских экспертов, Россия для Китая может превратиться из стратегического партнера в тактического союзника, российская территория будет использоваться как транзитная территория для китайских товаров, российская экономика для Китая станет только источником сырья, а в китайском импорте будет доминировать высокотехнологичная китайская продукция [Михеев, Игнатъев 2019, с. 19];

– несмотря на углубление военно-технического сотрудничества существует определенное взаимное недоверие, в связи с экспансией китайского капитала и, как следствие, влияния в важных для России регионах Центральной Азии и Восточной Европы;

– новый фактор российского беспокойства – растущие глобальные амбиции КНР, которые проявляются в претензии страны на глобальное лидерство. Об этом дважды высказался китайский лидер Си Цзиньпин в своих выступлениях на Всемирном экономическом форуме в Давосе – в 2017 г. и в 2021 г. [Си Цзиньпин 2021].

Вышеуказанные факты говорят о том, что несмотря на то, что основные принципы партнерства были изложены сторонами в официальных документах, их содержание временами представляется по-разному [Грачиков 2019; Михеев, Луконин 2019].

Помимо перечисленного одной из наиболее чувствительных сфер международного взаимодействия России и Китая является вопрос демаркации государственной границы, так как на протяжении всей истории взаимодействия не было взаимопонимания двух государств в этом вопросе, и только к 2004 г. этот процесс подошел к своему завершению [Васильева 2019].

Заключение

Основные стратегические интересы, которыми руководствуется Россия, проводя курс на тесное взаимодействие с Китаем, базируются на следующем: это естественная необходимость поддерживать добрососедские стабильные отношения с экономически и политически мощным соседом, а также видеть в Китае надежного партнера в условиях усиления санкционного давления стран Запада на российскую экономику. Следует отметить, что и Китай с 2016 г. испытывает на себе торгово-экономические санкции США и поэтому также двигается в сторону России.

До известного предела Россия демонстрирует солидарность с Китаем, выражая понимание его позиции по Гонконгу и Синьцзяну, а также соглашаясь с непризнанием Китаем решений международного арбитража по спорным вопросам в Южно-Китайском море, однако другие территориальные претензии

Китай Россия не поддерживает. Также и Китай, в свою очередь, отказывается признавать российские действия в Крыму, Севастополе, Абхазии и Южной Осетии. Совокупность весьма противоречивых политических и экономических факторов, с одной стороны, способствуют сближению России и Китая, а с другой – демонстрируют определенные пределы этого сближения.

В документах пятого пленума ЦК Коммунистической партии Китая, состоявшегося в октябре 2020 г. и определившего пути развития Китая до 2035 г., подчеркивается, что знаменитый принцип китайского лидера 70–80-х годов прошлого столетия Дэн Сяопина «скрывай свои возможности, держись в тени», который являлся определяющим последние 30 лет в мировой политике Китая, диктуя сдержанный курс, вновь становится актуальным в условиях преодоления социально-экономических последствий пандемии и противостояния с Западом [Дэн Сяопин 1988]. Накопление индустриальной, военной и технологической мощи, усилило включенность Китая в мировую торгово-финансовую систему, где ведущую роль продолжают играть США и Европейский союз. В этих условиях, задачей № 1 для китайского руководства, как подчеркивалось на пленуме, является повышение автономности Китая в стратегически важных высокотехнологических областях.

В июле 2021 г. исполняется 20 лет со дня подписания Российско-Китайского договора о добрососедстве дружбе и сотрудничестве. Нашим странам в новых условиях преодоления последствий пандемии и санкционного давления с Запада необходимо корректировать и расширять основные положения этого договора в соответствии с новой ситуацией, эффективно и оперативно реагировать на новые внешние угрозы и вызовы, лучше защищать долгосрочные интересы народов России и Китая.

Библиография

Аганбегян А.Г. Луч света в кризисном царстве, что ждет нашу экономику в 2021 году // Аргументы и факты. 2020. № 50.

Алешковский И.А., Кузовлев С.С., Слука Н.А. «Новая» миграция как фактор формирования китайской диаспоры в Европейском союзе // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 2. С. 25–39.

Борох О.Н., Ломанов А.В. Китайский путь реформ в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 66–75.

Варнавский В.Г. Драйверы мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 7. С. 5–16.

Васильева Н.И. Стратегическое партнерство Российской Федерации и Китайской Народной Республики: правовые и экономические аспекты взаимодействия // Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика. 2019. № 4. С. 41–54.

Воскресенский А.Д. Реализация «китайской мечты» в период эпохи Си Цзиньпина: что ожидать России // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 10. С. 5–16.

Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 3. С. 83–93.

- Дынкин А.А., Телегина Е.А. Шок пандемии и посткризисный мир // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 8. С. 76–84.
- Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая. М.: Политиздат. 1988. 259 с.
- Костиков В.В. Политика на экзамене у COVID-19. Как проходит испытание власти коронавирусом // *Аргументы и факты*. 2020. № 1.
- Лексютина Я.В. Америко-китайские отношения в 2018–2019 гг: торговая война и процесс декаплинга // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 6. С. 85–93.
- Лукин А.В. Пик миновал? // *Россия в глобальной политике*. 2020. № 3. С. 227–230.
- Михеев В.В., Игнатьев С.В. Российско-китайское стратегическое партнерство и ракетно-ядерная проблема КНДР // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 1. С. 19.
- Михеев В.В., Луконин С.А. Болевые точки Пекина // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 5. С. 5–15.
- Михеев В.В., Луконин С.А. Новая фаза развития Китая на фоне «торговой войны» с США // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 2. С. 56–65.
- Новоселова Л.В. Экономика КНР в условиях торговой войны // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 6. С. 5–16.
- Россия: рецессия и рост во время пандемии: доклад Всемирного банка. Washington: The World Bank, 2020. 71 с. (Доклад об экономике России № 43). 71 с. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/34219/Russia-Recession-and-Growth-Under-the-Shadow-of-a-Pandemic-RU.pdf?sequence=5> (дата обращения 09.03.2021).
- Си Цзиньпин принял участие в диалоге Давосская повестка дня // *Российская Газета* 26.01.2021. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/si-czinpın-prinial-uchastie-v-dialoge-davosskaia-povestka-dnia.html> (дата обращения 09.03.2021).
- Технологичный дракон. Чему можно научиться у китайцев // *Аргументы и факты*. 2021. № 1.
- Чумаков А.Н. Глобальный мир в аспекте российского и китайского восприятия // *Вестник Московского университета. Сер. 27: Глобалистика и геополитика*. 2020. № 2. С. 35–48, № 3. С. 26–37.
- Юй Хунцзюнь. Руководящие идеи дипломатии великой державы с китайской спецификой в новую эпоху // *Модель развития современного Китая / Под ред. А.Д. Воскресенского*. М.: АКЦ Стратегические изыскания. 2019. С. 10–27.

Reference

- Aganbegyan A.G. Luch sveta v krizisnom tsarstve, chto zhdet nashu ekonomiku v 2021 godu [A ray of light in a crisis kingdom: economic forecasts for 2021]. *Argumenty i fakty [Arguments and Facts]*. 2020. N 50. (In Russ.)
- Aleshkovski I.A., Kuzovlev S.S., Sluka N.A. «Novaya» migraciya kak faktor formirovaniya kitajskoj diaspori v Evropejskom soyuze [«New» migration as the factor of the formation of the Chinese diaspora in the European Union]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika [Moscow University Bulletin. Ser. 27: Globalistics and Geopolitics]*. 2019. N 2. P. 25–39. (In Russ.)
- Borokh O.N., Lomanov A.V. Kitajskiy put' reform v usloviyakh globalizatsii [China's path of reform under conditions of globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World economy and international relations]*. 2020. N 6. P. 66–75. (In Russ.)
- Chumakov A.N. Global'nyj mir v aspekte rossijskogo i kitajskogo vospriyatiya [Global world in the aspect of the Russian and Chinese perceptions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika [Moscow University Bulletin. Ser. 27: Globalistics and Geopolitics]*. 2020. N 2. P. 35–48. N 3. P. 26–37. (In Russ.)

Deng Xiaoping. Osnovnyye voprosy sovremennogo Kitaya [Basic issues of contemporary China]. Moscow: Politizdat 1988. 259 p. (In Russ.)

Dynkin A.A., Telegina E.A. Pandemic shock and the world after crisis. [Shok pandemii i postkrizisnyy mir]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World economy and international relations]. 2020. N 8. P. 76–84. (In Russ.)

Grachikov E.N. Strategiya partnerskikh otnosheniy KNR: praktika i yeye kontseptualizatsiya [Formation of the Chinese school of international relations: analytical approaches and research methods]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. N 3. P. 83–93. (In Russ.)

Kostikov V.V. Politika na ekzamene u COVID-19. Kak prokhorit ispytaniye vlasti koronavirusom [Politics in the context of COVID-19. Pandemic resistance test for power]. Argumenty i fakty [Arguments and Facts]. 2020. N 1. (In Russ.)

Leksyutina Y.V. Amerikano-kitayskiye otnosheniya v 2018–2019 gg: trgovaya voyna i protsess dekaplinga [US-China relations in 2018–2019: Trade War and Decoupling Process]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2020. N 6. P. 85–93. (In Russ.)

Lukin A.V. Pik minoval? Rossiya v global'noy politike [Is the peak over? Russia and global affairs]. 2020. N 3. P. 227–230. (In Russ.)

Mikheev V.V., Ignatev S.V. Rossiysko-kitayskoye strategicheskoye partnerstvo i raketno-yadernaya problema KNDR [Russian-Chinese strategic partnership and North Korean nuclear and missile issue]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. N 1. P. 18–24. (In Russ.)

Mikheev V.V., Lukonin S.A. Novaya faza razvitiya Kitaya na fone «torgovoy voyny» s SSHA [New phase of China's development against the background of a «trade war» with the United States]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2019. N 2. P. 56–65. (In Russ.)

Mikheev V.V., Lukonin S.A. Bolevyie tochki Pekina [Beijing's pain points]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World Economy and International Relations]. 2020. N 5. P. 5–15. (In Russ.)

Novoselova L.V. Ekonomika KNR v usloviyakh trgovoy voyny [Chinese economy in the conditions of trade war]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World economy and international relations]. 2020. N 6. P. 5–16. (In Russ.)

Rossiia: retsessiya i rost vo vremya pandemii: Doklad gruppy Vsemirnogo banka [Russia Recession and Growth During a Pandemic: World Bank Group Report]. Washington: The World Bank, 2020. 71 p. (In Russ.)

Si Tszin'pin priniyal uchastie v dialoge Davoskaia povestka dnia [Xi Jinping took part in the dialogue «Davos agenda»]. Rossiyskaya Gazeta [Russian newspaper]. January 26, 2021. URL: <https://rg.ru/2021/01/26/si-czinpin-priniyal-uchastie-v-dialoge-davoskaia-povestka-dnia.html> (date of access: 03.09.2021).

Tekhnologichnyy drakon. Chemu mozjno nauchit'sya u kitaytsev [The tech dragon. What can you learn from the Chinese]. Argumenty i fakty [Arguments and Facts]. 2021. N 1. (In Russ.)

Varnavskii V.G. Drayvery mirovoy ekonomiki [Drivers of global economy]. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya [World economy and international relations]. 2020. N 7. P. 5–16. (In Russ.)

Vasilyeva N.I. Strategicheskoye partnerstvo Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki: pravovyye i ekonomicheskoye aspekty vzaimodeystviya [Strategic partnership of the Russia Federation and the People's Republic China: legal and economic aspects of interaction]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 27: Globalistika i geopolitika [Moscow University Bulletin. Ser. 27: Globalistics and Geopolitics]. 2019. N 4. P. 41–54. (In Russ.)

Voskressenski A.D. Realizatsiya «kitayskoy mechty» v period epokhi Si TSzin'pina: chto ozhidat' Rossii [Realization of the «Chinese dream» in XI Jinpig's Era: what should Russia expect]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2019. N 10. P. 5–16. (In Russ.)

Yu Hongjun. Rukovodyashchiye idei diplomatii velikoy derzhavy s kitayskoy spetsifikoy v novuyu epokhu [Guiding ideas of great power diplomacy with Chinese specificity in a new Era]. *Model' razvitiya sovremennogo Kitaya* [Model of modern China development]. Ed. Voskressenskiy A.D. Moscow: AKTS Strategicheskiye izyskaniya. 2019. P. 10–27. (In Russ.)